УДК 726.03(571.54):294.3 DOI: 10.18324/2224-1833-2026-3-161-166

Архивные свидетельства трансформации буддийской храмовой архитектуры Забайкалья в XIX в. – нач. XX в.

В.Б. Дамбаева

Бурятский государственный университет им. Д. Банзарова ул. Смолина, 24а, Улан-Удэ, Россия
valdamb07@ya.ru
https://orcid.org/0009-0000-0212-7230
Статья поступила 02.07.2026, принята 15.09.2026.

Несмотря на значительный интерес учёных и исследователей к истории буддизма в России, процессы исторической трансформации буддийской храмовой архитектуры остаются недостаточно изученными. Источниковая база исследования представлена в документах Российского государственного исторического архива, архива востоковедов Института восточных рукописей Российской академии наук и Государственного архива Республики Бурятия. Ключевыми источниками по изучению трансформации буддийских храмов являются нормативно-правовые переписки по ремонту и строительству между центральным аппаратом власти и буддийской общиной в лице Пандито Хамбо ламы, а также документы по вопросам строительства, ремонта и содержания храмов. Дополняют исследование отчёты А.М. Позднеева, его докладные записки о буддийских храмах Забайкалья остаются важным источником в изучении истории буддийской архитектуры. Цель работы – на основе архивных источников изучить процесс архитектурной трансформации буддийских храмов Забайкалья в XIX – нач. XX вв. В процессе анализа архивных источников был применён историко-сравнительный метод. Исследование базируется на основных принципах историзма, системности и объективности. Исследуется история Анинского дацана, где даётся характеристика основных исторических периодов архитектурной трансформации. Впервые на основе нормативно-правовой переписки приводится количественный анализ малых храмов в системе монастырских комплексов. Исследование показывает, что трансформация буддийской храмовой архитектуры являлась сложным многогранным процессом. Буддийская архитектура развивалась в результате сложного взаимодействия центрального аппарата власти и буддийской общины в контексте социально-политических условий региона XIX – нач. XX вв.

Ключевые слова: буддийские храмы; дацаны Забайкалья; буддийская архитектура; Пандито Хамбо лама; конфессиональная политика; буддийская община; ремонт буддийских храмов; буддизм в России.

Archival evidence of the transformation of Buddhist temple architecture in Transbaikalia in the XIX and early XX centuries

V.B. Dambaeva

Buryat State University named after D. Banzarov; 24a, Smolin St., Ulan-Ude, Russia
valdamb07@ya.ru
https://orcid.org/0009-0000-0212-7230
Received 02.07.2026, accepted 15.09.2026.

Despite significant interest among scholars and researchers in the history of Buddhism in Russia, the processes of historical transformation of Buddhist temple architecture remain insufficiently studied. The source base for the study is presented in documents from the Russian State Historical Archive, Archive of the Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences, and the State Archive of the Republic of Buryatia. Key sources for studying the transformation of Buddhist temples include regulatory and legal correspondence regarding repairs and construction between the central government and the Buddhist community, represented by Pandito Khambo Lama, as well as sources on the construction, repair, and maintenance of temples. The research is complemented by the reports of A.M. Pozdneev, whose memoranda on Buddhist temples in Transbaikalia remain an important source for studying the history of Buddhist architecture. The aim of this work is to use archival sources to examine the process of architectural transformation of Buddhist temples in Transbaikalia in the XIX and early XX centuries. A historical-comparative method is used in analyzing archival sources. The study is based on the fundamental principles of historicism, systematicity, and objectivity. The history of the Aninsky Datsan is explored, characterizing the main historical periods of architectural transformation. For the first time, a quantitative analysis of small temples within the monastic complex system is provided, based on legal correspondence. The study demonstrates that the transformation of Buddhist temple architecture was a complex, multifaceted process. Buddhist architecture developed as a result of the complex interaction between the central government and the Buddhist community within the sociopolitical context of the region in the XIX and early XX centuries.

Keyword: Buddhist temples; datsans of Transbaikalia; Buddhist architecture; Pandito Khambo Lama; policy on religious denominations; Buddhist community; renovation of Buddhist temples; Buddhism in Russia.

Ведение. Буддийские храмы на территории Забайкалья на протяжении XIX – нач. XX вв. проходили периоды трансформации. Первые юрточные передвижные дуганы видоизменились в стационарные деревянные, а затем каменные культовые строения. Несмотря на большой интерес исследователей к истории бурятского буддизма, а также многочисленные публикации, раскрывающие различные аспекты, тема истории развития архитектуры буддийских храмов не становилась объектом специального самостоятельного изучения. Результаты исследования позволят уточнить существующие на сегодняшний день представления об этапах развития буддийской храмовой архитектуры Забайкалья, а также особенностях организации строительства и ремонта в рассматриваемый период.

Постановка целей и задач. Цель исследования – на основе комплексного анализа архивных источников изучить процесс архитектурной трансформации буддийских храмов Забайкалья в XIX – нач. XX вв. Поставленная цель предполагает решение следующих задач:

– рассмотреть исторические особенности формирования и развития буддийских храмов;

– выявить основные периоды хронологической трансформации буддийских храмов Забайкалья на примере Анинского дацана;

– раскрыть исторические условия формирования буддийских монастырей.

Объект исследования – история буддийской храмовой архитектуры Забайкалья.

Методологическая и информационная база. Исследование базируется на основных принципах историзма, системности и объективности. Принцип историзма позволил изучить архитектурную трансформацию буддийских храмов в обозначенных временных и территориальных рамках. При этом учитывались те исторические события и условия, которые повлияли на этапы развития буддийских храмов. Методологическая основа исследования содержит комплексный междисциплинарный подход, который включает культурологические и искусствоведческие методы исследования. Что позволило рассмотреть буддийскую архитектуру в широком социокультурном контексте.

Как уже отмечалось в исследованиях, история буддийских храмов давно привлекала внимание учёных. В советский период можно выделить большое количество трудов, где раскрывалась история буддийских монастырей: М.Н. Богданов [1], В. Гирченко [2], К.М. Герасимова [3], Л.К. Минерт [4] Г.Р. Галданова и др [5]. В этих работах авторы обращали внимание на историю буддийских монастырей, особенно в начальный период проникновения буддизма, преимущественное внимание уделено центральным дацанам селенгинских степей, впервые вводятся в научный оборот документы Российского государственного исторического архива [6].

В современной историографии можно выделить ряд авторов, в работах которых раскрываются различные аспекты истории буддийских храмов: Н.В. Цыремпилов [7], Д.С. Жамсуева [8], Г.С. Митыпова [9], Т.И. Барданова [10], Г.Н. Очирова [11], Е.В. Асалханова [12] и др.

Источниковая база исследования представлена в документах Российского государственного исторического архив (РГИА), Института восточных рукописей Российской академии наук (ИВР РАН) и Государственного архива Республики Бурятия (ГАРБ). Архивная нормативно-правовая переписка по вопросам ремонта и строительства буддийских храмов рассматривается как уникальный источник, который раскрывает особенности истории строительства и становления «религиозного пространства» Забайкалья. Переписка по вопросам буддийских храмов между Хамбо ламой и центральной администрацией отражает взаимодействие власти и буддийской общины в исследуемый период.

Среди многочисленных архивных документов по истории буддизма в Забайкалье отдельно стоит выделить дела о строительстве и ремонте буддийских храмов. Архитектурные проекты 1850-х гг. являются первыми официальными графическими изображениями буддийских храмов. В РГИА представлены 34 проекта, которые вошли в список утверждённых дацанов «Положения о ламайском духовенстве» 1853 г.

Итогом переписок между буддийской общиной и центральным аппаратом власти становилось достижение «архитектурных компромиссов», которые неизбежно возникали в бюрократической системе того времени [13, с. 1003]. Информация о ремонте дацанов зачастую была под грифом «Секретно». Благодаря сохранившейся делопроизводственной документации мы можем исследовать специфику развития буддийских храмов. Тем самым проследить трансформацию буддийской храмовой архитектуры Забайкалья.

Обсуждение. По мере распространения буддизма вставала необходимость сооружения храмов для кочевого народа. Сначала эту проблему решали с помощью обычных юрт, где устраивали молельни. Кочевое население не могло долго находиться на одном месте, так как большое количество стад быстро опустошало пастбище, необходимо было передвигаться дальше за водой и травой. С целью пропаганды буддийского учения представителям религии пришлось строить кочующие вслед за народом храмы [14, с. 249].

Культовое строительство, как правило, требует коллективных усилий, материальных средств и особого технического мастерства. Сам процесс сооружения и возникновения сети буддийских монастырей свидетельствовал о возрастающей духовной зрелости бурятского народа и фактически способствовал его консолидации. Дацаны со временем становились местом собрания мирян и выполняли функции духовных центров.

Исследуя исторические источники XIX в., связанные с историей буддийских культовых сооружений, возникают сложности в терминологии. В источниках, где идёт переписка по ремонту буддийских сооружений, дацаном называют главный храм, а остальные «вспомогательные» храмы именовали сумэ или дуганы. Потому при полном цитировании архивных документов под дацаном имеется ввиду главный храм.

Буддийская архитектура в архивных источниках. Планы и схемы буддийских храмов собирались центральной администрацией только по главным храмам. Можно сказать, что фактически официальные 34 плана не отражали всю инфраструктуру буддийских монастырей. Исключение составил Цонгольский дацан,

где помимо главного храма были указаны шесть сумэ, подписанные как «шесть малых дацанов, состоящих при Цонгольском дацане Забайкальской области Верхнеудинского округа» [15, д. 398, л. 5]. Однако в плане Цонгольского дацана сумэ были указаны схематически без указания расстояния между храмами или указания их размеров.

В архивной нормативно-правовой переписке можно встретить статистические отчёты и ведомости, в которых представлена информация по дацанам и сумэ при них, что является важным дополнением в исследовании буддийской архитектуры.

В отечественной историографии основное внимание уделялось главным храмам при дацанах. Но тем не менее в структуре буддийских монастырских комплексов важное значение занимали малые храмовые сооружения – сумэ и дуганы. Данные постройки представляли собой небольшие культовые помещения, которые чаще всего посвящались определённым буддийским божествам, для отдельных религиозных обрядов или молитвенных практик.

В источниках второй половины XIX в. буддийские сооружения, входящие в комплекс дацанов, называют маленькие кумирни. Встречается их описание как кумирни, находящиеся при самих дацанах не более русских часовней [16, д. 189, л. 44 об., л. 55]. На наш взгляд данная формулировка и сравнение буддийских храмов с русскими часовнями отражало стремление буддийского духовенства представить сумэ как небольшие культовые сооружения вспомогательного характера. Такое сравнение сумэ с православной часовней могло быть одним из способов вписать буддийские строения в понятную для центральной администрации систему категорий. На практике сумэ рассматривались администрацией как часть храмовой инфраструктуры. Потому в архивных источниках мы можем встретить разъяснения по поводу количества сумэ в дацанах.

В сентябре 1864 г. Пандито Хамбо лама Г.Ч. Ванчиков направляет разъяснение Военному губернатору Забайкальской области, что дацаны и сумэ, находящиеся в Восточной Сибири, построены с 1758 по 1834 гг., исправлены все были в разное время с разрешения высшего начальства [17, д. 236, л. 31]. В этот период начинают собираться сведения по количеству всех дацанов и сумэ при них. Пандито Хамбо лама Ванчиков составляет список с указанием количества сумэ при дацанах *«Список 34-х дацанов монголо-бурятского духовенства Восточной Сибири с показанием числа, состоящих при них сумэ (малые дацаны), не вошедшие в новое положение»* [17, д. 236, л. 32-32об.]. Наибольшее количество сумэ указано в Гусиноозерском, Джидинском, Булутумурском по 17. При Цонгольском 11, Загустайском и Иройском 10 сумэ. При этом в списке указано «будто нет» сумэ в Агинском, Гунинском и Ольхонском дацанах [17, д. 236, л. 32-32об.]. Формально количество сумэ при дацанах могло служить архитектурным индикатором крупных, средних и малых дацанов. Согласно данным в списке, мы разделили существующие 34 дацана по количеству сумэ. Где выделили:

– крупные (от 10 до 17 сумэ) – 8 дацанов;

– средние (от 4 до 9 сумэ) – 9 дацанов;

– малые (3 и менее сумэ) – 17 дацанов.

К сожалению, в списке не указано количество сумэ при Агинском дацане, хотя в некоторых исследованиях упоминается о 4-х сумэ, выстроенных в первой трети XIX в [8, с. 36]. При Гунинском дацане известно о 2 сумэ, но они также не указаны в таблице, вероятно потому как были построены позже в 1880-е гг. [8, с. 76]. Опираясь на данные Д.С. Жамсуевой по агинским дацанам, мы определи их в средние и малые буддийские комплексы.

Сведения о количестве сумэ при Агинском дацане также подтверждаются архивными источниками. Во второй половине XIX в. Хамбо лама Ванчиков запросил данные у ширетуя Агинского дацана о количестве сумэ, имуществе и числе прихожан обоего пола. Ширетуй Агинского дацана сообщил, что находящиеся четыре сумэ выстроены были до 1832 г. ещ1 до издания Циркулярного указа Иркутским губернским правлением т. е без разрешения, и вероятно они вошли в число 150 малых сумэ [18, д. 441 л. 25, 34].

Буддийские храмы, построенные в кон. XVIII – нач. XIX в., нуждались в ремонте. Чаще всего при ремонте храмов буддийская община подавала прошение в центральную администрацию на видоизменение храма и его расширение. Большинство прошений подаются во второй половине XIX в.

Информация о трансформации архитектурного облика буддийских храмов сохранилась не только в переписках и прошениях на ремонт. Важная информация содержится в докладных записках учёных по исследованию буддизма в регионе. Отдельно стоит отметить научное наследие А.М. Позднеева (большая часть документов сохранилась в ИВР РАН). В 1909 и 1916 гг. А.М. Позднеев был направлен в командировку в Иркутскую губернию и Забайкальскую область, где посещает дацаны, описывает внешний вид некоторых храмов. В своих записях учёный отмечает противоречивый характер отношений между буддийским духовенством и официальной властью, определённое недоверие, как с одной стороны, так и с другой [19, с. 50].

Рассмотреть трансформацию буддийских храмов можно на примере Анинского дацана. А.М. Позднеев, описывая дацаны Забайкалья, в 1916 г. в докладной записке Департаменту Духовных Дел Иностранных Исповеданий упоминает 1795 г., как первоначальную постройку Анинского дацана. Изначально он был сооружен в виде маленькой кумирни, главным тайшой Хоринских бурят Ринчиновым, как его собственный молитвенный дом и носил название Дондоб-дашилинь. [20,0д. 132, л. 191].

По сведениям Б. Барадийна деревянная постройка главного храма вскоре сгорела. В 1808–1811 гг. при участии русских мастеровых было выстроено новое большое здание, ставшее первым каменным буддийским храмом этнической Бурятии [21, ед. хр. 26, л. 50]. В летописи Вандана Юмсунова упоминается, что каменный дацан был построен на средства покойного тайши Дамбадугара Ринчинова – ассигнациями 22 162 руб. 50 коп., и на средства тайши Мардаева – 12 103 руб. 12 коп. С утверждения господина военного губернатора Забайкальской области и господина Восточно-Сибирского генерал-губернатора он был обновлен, сделан краси-

вым и отремонтирован на добровольные приношения на сумму 25 тыс. руб. [22, с. 41].

Интересно описание Анинского монастыря Петром Алексеевичем Кропоткиным, посетившим его в 1864 г. «Анинский дацан не из богатых; храм построен лет пятьдесят тому назад каким-то иркутским архитектором под руководством старого тайши. Архитектура его чрезвычайно напоминает архитектуру церквей – та же колокольня (хотя и без колоколов); даже тот же крестообразный вид в плане». В его описаниях прослеживаются сравнения дацана с православной церковью. Величина Анинского дацана не больше среднего размера сельских церквей. Говоря о вместимости прихожан, также отмечено, что первый этаж дацана не такой большой, ламам и прислужникам есть место, народа же может поместиться лишь самое небольшое количество – остальные могут со двора посмотреть [23, с. 85–86].

Скорее всего, П.А. Кропоткин посетил Анинский дацан, когда он ещё нуждался в ремонте из-за течи крыши и представлял собой храм, действительно напоминающий православную церковь. Подобное сходство буддийских монастырей с православными церквями было на первом этапе строительства дацанов. Это выражалась в объёмно-пространственной композиции, её многоглавости. Тут стоит отметить, что все архитектурные изменения происходили под надзором и с дозволения центрального государственного аппарата власти.

Так как крыша главного храма Анинского дацана была очень массивной и более того железной, к 1808 г. под этой тяжестью стены здания лопнули и дали трещины. В дождливое время в главный храм через его крышу постоянно струилась вода. Тем не менее, здание продолжали использовать по назначению. Первого августа 1864 г. случилась сильная буря, она снесла железные листы и обшивку во многих местах с крыши. Ремонт дацана был осуществлён в 1865 г., однако он затянулся почти на 5 лет. Анинский дацан был построен вновь на старом каменном основании. Его полностью перестраивают, сохраняя при этом каменность постройки. Воспользовавшись ветхостью и дозволением на реконструкцию, бурятское духовенство постаралось убрать внешнее сходство с православной церковью [4, с. 137–138].

Сохранив каменную конструкцию, здание получило совершенно иной архитектурный облик. Вокруг первого этажа была создана терраса для ритуального обхода главного молитвенного монастыря по кругу. Конструкция главного монастыря была выполнена по принципу ярусного пирамидального уменьшения от нижнего первого к третьему, где рационально использовалось пространство предыдущего этажа. Отказавшись от крупной треугольно-пирамидальной крыши, дацан воплотил в себе идею, по стилистическому оформлению напоминающую тибетский стиль. Однако он включал архитектурные приемы китайской традиции, сохранялось воздействие некоторых элементов русского церковного зодчества [4, с. 137–138].

При всей масштабности постройки, существенным недостатком дацана являлась его малая вместимость. Со временем число прихожан монастыря увеличивалось, дацан уже не мог вмещать в себя всех желающих. Решено было увеличить здание главного дацана. По изученным нами источникам известно, что к 1898 г. Бандито-Хамбо лама просит дозволения построить к существующему ныне каменному Анинскому дацану деревянную пристройку на каменном фундаменте. К данному прошению был приложен план существующего дацана, а также проект пристройки, приговор прихожан, с предположением израсходовать на эту постройку 1000 рублей из наличных сумм дацана и 1000 рублей жертвованием почётных, зажиточных прихожан. Верхнеудинский Окружной Начальник по данному прошению заключил следующее: «ходатайство прихожан Анинского дацана заслуживает уважения, так как существующее здание сего дацана не вмещает в себя всех богомольцев, которых 7000 человек» [24, д. 400, л. 231].

По заметкам А.М. Позднева, Анинский дацан в нач. XX в. имел форму, близко подходящую к Джидинскому дацану. Эти два дацана при своей перестройке, были расширены так, что в них вся первоначально построенная кумирня была обращена в помещение одного только алтаря, его вторая – служебная часть, была пристроена заново. Таким образом, Анинский дацан получил вид не квадратного, а продолговатого здания, в нём служебная часть значительно превосходила главное святилище. Старая часть Анинского дацана, которая составляла современный алтарь, резко отличалась от всех новых зданий мрачностью своих помещений [20, ед. хр. 132, л. 192].

В нач. XX в. Анинский дацан воплощал большой монастырский комплекс, насчитывалось 80 отдельных дворов, 150 домов русской постройки, 80 домов бурятской постройки, имеющих форму сараев, войлочных юрт не имелось. Также при дацане находилось 50 амбаров для склада домашней утвари и 39 сараев. Всего 289 зданий, при 80 оградах. [20, ед. хр. 132, л. 196].

Анинский дацан являлся уникальным архитектурным сооружением, на первом этапе строительства были использованы архитектурные традиции русского церковного зодчества. В дальнейшем, по мере укрепления буддийской традиции в регионе, дацан перестраивался и вбирал в себя традиции китайского, тибетского и монгольского зодчества. По мнению известного архитектора Л.К. Минерта, главный храм Анинского дацана являлся выдающимся произведением бурятской культовой архитектуры, не имеющей аналогии по своей планировочной и композиционно-пространственной структуре в буддийском зодчестве соседних стран [4, с. 139].

Заключение. Анализ архивных источников позволяет сделать вывод о трансформации буддийских храмов Забайкалья. Дацаны, основанные в конце XVIII в. – во второй половине XIX в., подают прошения на предмет исправления и трансформируются в более крупные. Структура монастырского комплекса включала значительное число малых культовых сооружений (сумэ, дуганы и др. постройки).

В истории буддийской архитектуры Забайкалья можно выделить несколько периодов.

Первый период – появление юрточных храмов (вторая четверть XVIII в.).

Второй период – появление первых деревянных храмов (вторая половина XVIII – начало XIX в.). В 1753 г. был выстроен Цонгольский, в 1758 г. Гусиноозерский

дацаны. Данный период характеризуется началом формирования сети буддийских монастырей.

Третий период (вторая четверть XIX в. до 1850-х гг.) – официальное закрепление нормативно-правовой базы в сфере буддизма. Выходят «Положения о ламайском духовенстве» 1853 г., куда вошли статьи по ограничению строительства буддийских храмов. Составляются проекты, схемы и планы главных храмов при дацанах.

Четвертый период – ремонт и переустройство буддийских храмов (вторая половина XIX – нач. XX вв.). Данный период характеризуется подачей первых прошений на ремонт и реконструкцию храмов. Несмотря на ограничительные статьи «Положения» 1853 г., в рамках которого существовала сеть дацанов, многие храмы перестраиваются.

История Анинского дацана демонстрирует общую закономерность развития буддийской храмовой архитектуры. Трансформация была обусловлена религиозной традицией и потребностями буддийской общины. Изменения в архитектурном плане происходили в контексте конфессиональной политики и утверждённого «Положения» 1853 г.

Примечательно, что на всём протяжении строительства и реконструкции храмов, буддийское духовенство, как и бурятская община, стремились улучшить буддийские постройки, сделать их более масштабными и величественными. Несмотря на официальные ограничительные документы, касающиеся дацанского строительства, подавались прошения в центральную администрацию на возможность изменения внешнего вида буддийских монастырей.

Литература

1. Богданов М.Н. Очерки истории бурят-монгольского народа. Верхнеудинск: Бургиз, 1926. 230 с.
2. Гирченко В. Русские и иностранные путешественники XVII, XVIII и первой половины XIX веков о бурят-монголах. Улан-Удэ: Государственное бурят-монгольское книжное издательство, 1939. 91 с.
3. Герасимова К.М. Ламаизм и национально-колониальная политика царизма в Забайкалье в XIX и начале XX веков. Улан-Удэ: [б.и.], 1957. 159 с.
4. Минерт Л.К. Памятники архитектуры Бурятии. Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1983. 189 с.
5. Ламаизм в Бурятии XVIII – начала XX в.: Структура и социальная роль культовой системы / Г.Р. Галданова, К.М. Герасимова, Д.Б. Дашиев, Г.Ц. Митупов; Отв. ред. В.В. Мантатов. Новосибирск: Наука. Сиб. Отд-ние, 1983. 235 с.
6. Дамбаева В.Б. Буддийское храмовое строительство Бурятии в конце XVIII – начале XX в. в отечественной историографии // Буддологические исследования. 2025. Вып. № 1 (10). С. 51–57.
7. Цыремпилов Н.В. Буддизм и Империя. Бурятская буддийская община в России (XVIII – нач. XX в.). Улан-Удэ: Бурят-монгол Ном, 2013. 335 с.
8. Жамсуева Д.С. Агинские дацаны как памятники истории культуры. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского научного центра СО РАН, 2001. 169 с.
9. Митыпова Г.С. Ацагатский дацан (1825-1937). История, события и люди. Улан-Удэ: Фонд Агвана Доржиева, 1995. 55 с.
10. Барданова Т.И. Декор в архитектуре бурятских буддийских храмов. Улан-Удэ: Типография Буддийского университета «Даши Чойнхорлин», 2007. 126 с.
11. Очирова Г.Н. Краткая история хоринского Хохюртайского (Амгалантуйского) дацана / отв. ред. Б.Ц. Жалсанова. Иркутск: Изд-во Оттиск, 2023. 116 с.
12. Асалханова Е.В. Из истории Прибайкальских дацанов // Вестник Иркутского государственного технического университета. 2010. № 7 (47). С. 307–312.
13. Номогоева В.В., Дамбаева В.Б. Проблемы строительства и ремонта буддийских храмов в России на рубеже XIX – XX в. в переписке общины и власти // Oriental Studies. 2025. Т. 18. № 5. С. 1000–1009.
14. Очир С. Роль буддийской культуры в монгольском искусстве XVIII–XIX вв. // Межконфессиональные отношения на рубеже тысячелетий. Материалы международной практической конференции (Улан-Удэ, 14–15 июня 2007 г.). Улан-Удэ: Издательство Бурятского госуниверситета, 2007. С. 248–254.
15. Российский государственный исторический архив Ф. 821. Оп. 133 Д. 398
16. Государственный архив Республики Бурятия Ф. 84 Оп. 1 Д. 189.
17. Государственный архив Республики Бурятия Ф. 84 Оп. 1 Д. 236.
18. Государственный архив Республики Бурятия Ф. 84 Оп. 1 Д. 441.
19. Полянская О.Н. Научное наследие монголоведа А.М. Позднеева о буддизме у бурят XVIII – начала XX в.: от распространения до интеграции в социокультурное пространство России // Гуманитарный вектор. 2024. Т. 19. № 1. С. 43–52.
20. Институт восточных рукописей Российской академии наук Ф. 44. Оп. 1. Ед. хр. 132.
21. Институт восточных рукописей Российской академии наук Ф. 87 Оп. 1 Ед. хр. 26.
22. Бурятские летописи / Сост. Ш.Б. Чимитдоржиев, Ц.П. Ванчикова, М.В. Аюшеева. Улан-Удэ: Изд-во ОАО «Республиканская типография», 2011. 224 с.
23. Кропоткин П.А. Письма из Восточной Сибири / сост. В.А. Маркин, В.Е. Старостин. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1983. 192 с.
24. Российский государственный исторический архив Ф. 821 Оп. 133 Д. 400.

References

1. Bogdanov M.N. Essays on the history of the Buryat-Mongolian people. Verkhneudinsk: Burgiz, 1926. 230 p. (In Russ.)
2. Girchenko V. Russian and foreign travelers of the XVII, XVIII and first half of the XIX centuries about the Buryats-Mongols. Ulan-Ude: State Buryat-Mongolian Book Publishing House, 1939. 91 p. (In Russ.)
3. Gerasimova K.M. Lamaism and the national-colonial policy of tsarism in Transbaikalia in the 19th and early 20th centuries. Ulan-Ude: [b.i.], 1957. 159 p. (In Russ.)
4. Minert L.K. Architectural monuments of Buryatia. Novosibirsk: Nayka, 1983. 189 p. (In Russ.)
5. Lamaism in Buryatia of the 18th – early 20th centuries: The structure and social role of the cult system / G.R. Galdanova, K.M. Gerasimova, D.B. Dashiev, G.Ts. Mitupov; Resp. ed. V.V. Mantatov. Novosibirsk: Science. Sib. Department, 1983. 235 p. (In Russ.)
6. Dambaeva V.B. Buddhist temple construction of Buryatia in the late XVIII – early XX century. in Russian historiog-

raphy//Buddhist studies. 2025. No. № 1 (10). pp. 51–57. (In Russ.)
7. Tsyrempilov N.V. Buddhism and Empire. Buryat Buddhist community in Russia (XVIII-beg. XX century). Ulan-Ude: Buryat-Mongol Nome, 2013. 335 p. (In Russ.)
8. Zhamsueva D. S. Aginsky datsans as monuments of the history of culture. Ulan-Ude: Publishing House of the Buryat Scientific Center, 2001. 169 p. (In Russ.)
9. Mitypova G.S. Atsagatsky datsan (1825–1937). History, events and people. Ulan-Ude: Agwan Dorzhiev Foundation, 1995. 55 p. (In Russ.)
10. Bardanova T.I. Decor in the architecture of Buryat Buddhist temples. Ulan-Ude: Printing house of the Buddhist University Dashi Choinhorlin, 2007. 126 p. (In Russ.)
11. Ochirova G.N. A brief history of the Khorinsky Khokhyurt (Amgalantuysky) datsan/ resp. ed. B. Ts. Zhalsanova. Irkutsk: Ottisk Publishing House, 2023. 116 p. (In Russ.)
12. Asalkhanova E.V. From the history of Pribaikalsky datsans//Bulletin of the Irkutsk State Technical University. 2010. № 7 (47). pp. 307–312. (In Russ.)
13. Nomogoeva V.V., Dambaeva V.B. Problems of construction and repair of Buddhist temples in Russia at the turn of the XIX – XX century. in the correspondence of the community and the authorities//Oriental Studies. 2025. T. 18. № 5. pp. 1000–1009. (In Russ.)
14. Ochir S. The role of Buddhist culture in Mongolian art of the 18th–19th centuries//Interfaith relations at the turn of the millennium. Materials of the international practical conference (Ulan-Ude, June 14–15, 2007). Ulan-Ude: Publishing house of Buryat State University, 2007. pp. 248–254. (In Russ.)
15. Russian State Historical Archive F. 821 Op. 133 D. 398
16. State Archive of the Republic of Buryatia F. 84 Op. 1 D. 189
17. State Archive of the Republic of Buryatia F. 84 Op. 1 D. 236
18. State Archive of the Republic of Buryatia F. 84 Op. 1 D. 441
19. Polyanskaya O. N. The scientific heritage of the Mongolian scholar A. M. Pozdneev about Buddhism among the Buryats of the 18th – early 20th centuries: from distribution to integration into the socio-cultural space of Russia//Humanitarian vector. 2024. VOL. 19. № 1. pp. 43–52. (In Russ.)
20. Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences F. 44. Op. 1. D. 132
21. Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences F. 87 Op. 1 D. 26
22. Buryat annals / Comp. Sh.B. Chimitdorzhiev, Ts.P. Vanchikova, M.V. Ayusheeva // Ulan-Ude: Publishing House of Republican Printing House, 2011. 224 p. (In Russ.)
23. Kropotkin P.A. Letters from Eastern Siberia / V.A. Markin, V.E. Starostin. Irkutsk: East. Prince Publishing House, 1983. 192 p. (In Russ.)
24. Russian State Historical Archive F.821 Op. 133 D. 400.